ГОФМАНСКАЯ КАПЛЯ.

Повѣсть.

Зала благороднаго собранія стариннаго удѣльнаго, а нынѣ губернскаго города Тугарина, освѣщена была какъ щитъ на потѣшныхъ огняхъ. Свѣтъ падалъ сквозь цѣльныя зеркальныя стекла, недавно выписанныя дворянствомъ въ честь новаго губернатора и на прощанье со старымъ; яркая полоса ложилась во всю ширину зданія поперегъ улицы, загроможденной каретами, колясками, дрожками: кучера и выносные расхаживали въ толпѣ любопытнаго народа и заглядывали въ окна; въ окнахъ мелькали головы, проносились попарно, и подавали зрителямъ на улицѣ поводъ къ разнымъ толкамъ и замѣчаніямъ.

Молодой кучеръ, котораго баринъ недавно обзавелся выписанными изъ Казани пролётками, гордо подбоченивался и, глядя на яркія окна, передвигалъ по временамъ шляпу съ уха на ухо. «Вотъ они» сказалъ онъ товарищу: «близнецы

наши; вишь несутся: что ни есть лучшихъ выбираютъ барышень!»

— Нѣтъ, замѣтилъ тотъ: — намедни одинъ изъ нихъ, видалъ я у предводителя, съ прокурорскою тёщею пустился, да такъ вотъ и разсыпается мелкимъ бѣсомъ передъ ней!

— Ужь нечего сказать, что умѣетъ угодить на всякаго, сказалъ опять первый: — и на всѣ руки удалъ, хоть куда хочешь. Хватъ дѣтина такой; откуда что у него берется!

— Да который же это изъ нихъ, вотъ что пронесся по окнамъ?

— А Богъ ихъ разберетъ; я, признаться, о–сю–пору не распознаю ихъ. Это, говорятъ, Ефремъ Поликарповичъ — это Малахій Поликарповичъ; а поглядишь — все одно, не распознаешь; ровно оборотни какіе.

— А что ты шутишь? да, можетъ–статься, и правда, что оборотни; то одинъ на двое разсыплется, то двое въ одного сойдутся…

— Вотъ штука, парень! Куда же онъ кости да мясо свое дѣнетъ, какъ двое–то въ одного сойдутся?

— Куда! ты говори! кто, братъ, съ кѣмъ поведется, съ тѣмъ и спознается.

— Ну?

— Ну, и только. Тебѣ костей своихъ некуда дѣвать; а люди сказку сложили про скатерть–хлѣбосолку, сапоги–самоходы да шапку–невидимку, такъ съ чего–нибудь да взяли.

— Извѣстно, взяли съ чего…

— А съ чего?

— Да съ чего! съ того и взяли, что сказка. На то она сказка.

— Анъ быль!

— Ой–ли быль?

— То–то и есть, братъ.

Между–тѣмъ, балъ былъ въ самомъ разгарѣ; губернаторъ, предсѣдатели палатъ, прокуроръ, часть совѣтниковъ и членовъ, врачебная управа — это все сидѣло въ особой комнатѣ за зелеными столами, и только пятый выходилъ иногда, смѣнившись, освѣжиться въ танцовальную

залу, гдѣ было столько свѣта, блеска, пригожества и веселья, — гдѣ все было шумно, празднично, великолѣпно; все кипѣло жизнію, суетой, все плясало, прыгало, бѣгало, всякій разсказывалъ, хохоталъ — одинъ только Иванъ Максимовичъ, который ѣздитъ въ собраніе для того, чтобъ выспаться, вздремнулъ подъ–шумокъ въ углу на креслахъ, сложилъ руки на груди, потому–что онѣ вокругъ живота не сходятся, и одобрительно киваетъ головой, какъ–будто соглашается съ говоромъ ста человѣкъ, сидѣвшихъ и расхаживавшихъ взадъ–и–впередъ въ одной съ нимъ залѣ. Вице–губернаторъ, причисляя себя еще къ молодежи, управлялъ пляской, фигурами, музыкой и оживлялъ радушнымъ усердіемъ своимъ къ этому дѣлу цѣлое собраніе; а Иванъ Максимовичъ былъ, казалось, отъ природы на то назначенъ, чтобъ нехотя потѣшать и забавлять людей. И чѣмъ же? иной вѣкъ бьется изъ того, чтобъ посмѣшить людей, надсѣдается и надрывается, чтобъ сорвать съ толпы

одобрительный хохотъ, и скромное желаніе это не всегда ему удается; Иванъ Максимовичъ, напротивъ, не дѣлалъ ровно ничего съ вѣдома своего для общей пользы и увеселенія, и собственно бездѣйствіемъ своимъ смѣшилъ до упаду. Онъ только сидѣлъ и дремалъ, выходилъ изрѣдка на воздухъ освѣжиться, спрашивалъ стаканчикъ горячаго, или закусочку, и опять садился дремать; а между–тѣмъ, никто не могъ видѣть его безъ радушнаго смѣха.

— Вы мало танцуете сегодня, сказала мимоходомъ молодая дама въ золотистыхъ кудряхъ, мило улыбаясь. Она расхаживала подъ руку съ подругой и поравнялась въ это время съ двумя мужчинами, изъ которыхъ одинъ невольно обратилъ бы на себя вниманіе ваше при нечаянной встрѣчѣ. Это былъ статный молодецъ, который ловкими пріемами своими бросался въ глаза при первомъ взглядѣ. Въ ту же секунду обратился онъ почтительнымъ и вѣжливымъ движеніемъ къ золотистой молодой женщинѣ, сказавъ: «О, я вамъ не дамъ

покоя за этотъ упрекъ: приглашаю васъ на всѣ сегодняшніе танцы, на весь вечеръ!....» и, не давъ ей отвѣтить на это, прибавилъ самымъ незамѣтнымъ для другихъ образомъ два словечка шопотомъ — и она, зарумянившись слегка, какъ–будто нехотя улыбнулась, склонила голову и молча прошла далѣе. На лицѣ ея еще нѣсколько времени послѣ этого носилось какое–то туманное облако, какой–то слѣдъ скромнаго раскаянія, для чего она сама вызвала черноволосаго, ловкаго и статнаго юношу на эту пару словъ.

— Смѣю ли просить васъ на кадриль? сказалъ нѣсколько робко молодой человѣкъ въ адъютантскомъ мундирѣ.... Тряхнувъ слегка золотистыя кудри свои, красавица подняла голову; неожиданность предложенія и легкое смущеніе видимо рисовались на лицѣ ея. Въ–самомъ–дѣлѣ, что отвѣчать? Молодой мужчина въ черномъ фракѣ, съ которымъ она сейчасъ пошутила, пригласилъ ее, шутя или въ–правду, на всѣ слѣдующіе танцы; стало–быть, уже во всякомъ случаѣ на первую,

послѣ этого разговора, кадриль, — а тутъ новое приглашеніе; отказать — какъ–то неловко, недостаетъ духу: можетъ–быть, первый отвѣтилъ только шуткой на шутку.... а можетъ–быть и нѣтъ? Тогда могутъ выйдти непріятности, отъ которыхъ столько предостерегали ее опытныя дамы; по–крайней–мѣрѣ, онъ самъ объ ней Богъ–вѣсть чтѣ подумаетъ.... могутъ даже подумать....

Нѣсколько томительныхъ для обоихъ секундъ прошли въ этомъ быстролетномъ размышленіи, и золотистая невольно, сама не зная, чтѣ она дѣлаетъ, отвѣчала: «я уже приглашена — извините».

И вслѣдъ за тѣмъ, едва слово это вырвалось и адъютантъ, пожавъ плечами и покраснѣвъ, раскланялся, какъ ей стало досадно на необдуманный отвѣтъ свой, и жаль молодаго адъютанта, который, казалось, былъ огорченъ этимъ отказомъ.

— Что ты это? спросила у нея подруга, неотходившая отъ нея весь вечеръ: — кто же тебя пригласилъ? съ кѣмъ ты танцуешь?

— Да развѣ онъ меня не пригласилъ на....

— Кто онъ? когда? помилуй, Ольга! это шутка; не–уж–то ты считаешь себя обязанною? Да развѣ такимъ образомъ приглашаютъ? Развѣ это водится? Да, или ты, можетъ–быть, сама очень–довольна....

— Ахъ, не говори такъ; стало–быть, я сдѣлала глупость; но когда же мнѣ было обдумывать.... Право, я такъ смѣшалась: какъ же теперь это поправить? Бога ради....

Послѣ многихъ аховъ и большихъ страховъ изъ опасенія дурныхъ послѣдствій отъ этихъ запутанныхъ дипломатическихъ отношеній, дѣло развязалось благополучно; братъ подруги Ольгиной чрезъ посредство сестры выручилъ преступницу, принявъ все на себя и протанцовавъ съ нею кадриль; потомъ явились вдругъ, какъ двѣ стрѣлы, пущенныя съ одной тетивы, два кавалера въ черныхъ фракахъ, похожихъ другъ на друга какъ подобранная пара листковъ съ одного дерева; они оспоривали другъ у друга счастіе танцовать съ Ольгой, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «не уступлю никому, я былъ

первый, я въ рукѣ, я давно уже приглашалъ васъ....» Музыка грянула, и Ольга, тряхнувъ, по милой привычкѣ своей, слегка золотистыми кудрями, подала ему руку; тутъ послѣдовало, во время танца, какое–то объясненіе, которое показывало, что она, бѣдненькая, не могла уже выбиться изъ–подъ нравственнаго вліянія своего черноокаго кавалера. Потомъ уже дошла, наконецъ, очередь до свѣтлорусаго адъютанта, который скромно и прилично, но настойчиво подстерегалъ своей очереди; и тутъ, наоборотъ, перевѣсъ нравственнаго вліянія явнымъ образомъ былъ не на сторонѣ силы, какъ во время танца съ черноокимъ, а на сторонѣ изящества, олицетвореннаго въ Ольгѣ.

Еще часъ — и этотъ хаосъ мелкихъ разсчетовъ, видовъ, страстей и страстишекъ — чистыхъ, непорочныхъ желаній, насущныхъ помышленій, вліяній и впечатлѣній всякаго рода, исчезъ и разнесся по всѣмъ концамъ города. Зала собранія затихла, окна ея потемнѣли.... но участники и участницы развезли по

обителямъ своимъ богатый запасъ, пищу для ума и сердца, на цѣлую недѣлю; можетъ–быть, иной или иная на цѣлый вѣкъ. Не скоро размотается этотъ клубокъ мыслей, чувствъ, столкновенiй, сродства, взаимныхъ приключенiй и размолвокъ, брошенныхъ тутъ–и–тамъ невзначай замѣтокъ, таинственныхъ намековъ, вопросовъ и загадокъ — то очень–простыхъ, но тѣмъ не менѣе полновѣсныхъ, то опять тонкихъ, двусмысленныхъ, иносказательныхъ, а потому и весьма–важныхъ.... Впечатлѣнiя, остатки думъ и чувствъ и самыя послѣдствiя ихъ были неодинаковы: одному грезилась во всю ночь самая глупая карта изъ цѣлой колоды, какъ онъ выражался, чухонское окно, четверка пикъ, которая убила его франковку и этимъ испортила всю игру; на другомъ лежалъ, настоящимъ стеганымъ тюфякомъ, какой–то толстый, пестрый господинъ, въ синихъ наплечникахъ и аломъ кушакѣ, съ рѣзной или долбленой рожей — и это былъ бубновый король, который душилъ соннаго какъ домовой. Третiй слышалъ музыку

сферъ, подымался, леталъ въ огромной залѣ собранія, но толкался головою въ потолокъ и не могъ выбиться на просторъ; четвертый падалъ стремглавъ съ какой–то страшной крутизны, и вздрагивая просыпался, храбрился на яву и не могъ понять, чего онъ труситъ во снѣ; пятый, напротивъ, побѣждалъ всѣхъ противниковъ своихъ однимъ махомъ руки во снѣ, и просыпаясь думалъ: какъ бы это хорошо, еслибъ такъ было и наяву! Была и такая бѣдняжка, которая плакала во снѣ, громко всхлипывая: ей казалось, будто какое–то сатанинское созданіе держало ее въ когтяхъ своихъ и смотрѣло на нее жадными глазами, налившимися кровію.

Да, жизнь наша, раздѣленная сномъ и бдѣніемъ на двѣ части, представляетъ въ двухъ частяхъ этихъ двѣ отдѣльныя жизни. Одна изъ нихъ остается въ памяти нашей, и въ ней–то собственно заключается все наше земное бытіе; другая, безсознательная, существующая, однакожъ, не менѣе того сама–по–себѣ и отдѣльно — проходитъ, не оставляя ни памяти, ни слѣда. Но можетъ

ли она быть безъ всякаго значенія, смысла и связи? А въ чемъ значеніе это состоитъ, когда и гдѣ оно для насъ объяснится?...

Но обратимся къ своимъ тугаринцамъ. Не только множество безсвязныхъ сновъ родилъ балъ этотъ, который мы описали, но и не менѣе того послѣдствія его изобличались на яву.

Еслибъ можно было сдѣлать сводъ всего того, что было сказано, пересказано, разсказано, говорено, болтано, переболтано, разболтано въ–теченіе слѣдующихъ за баломъ дней, — сколько тутъ было заключеній, умозрѣній, догадокъ, обмолвокъ, размолвокъ, удовольствія, надеждъ, неудовольствія, злобы и горя — о, конечно, еслибъ не было слѣдующаго за тѣмъ воскресенья, гдѣ все это можетъ принять иной видъ, распутаться, перепутаться и запутаться снова, то не знаю, какъ и чѣмъ все это могло бы кончиться!

Настало утро, понедѣльникъ; весь городъ протиралъ глаза и припоминалъ сонъ свой и вчерашній балъ.

— Какіе у нея глаза! сказалъ Буслаевъ, адъютантъ военнаго губернатора: — какіе глаза! видѣлъ ты? Или ты слона–то и не примѣтилъ?

— Примѣтилъ, отвѣчалъ его товарищъ, правитель канцеляріи Горнилинъ: — какъ не примѣтить! глаза большіе, голубые; пожалуй, лазоревые!

— И только? продолжалъ Буслаевъ. — Не пиши, пожалуста, картины своей такимъ потертымъ помазкомъ, не прикасайся такого предмета, молчи лучше! Тебя не обдало этимъ лучезарнымъ тепломъ, иначе бы ты воспѣвалъ глаза ея поразвязнѣе! Большіе и голубые! Что твои большіе и голубые? въ томъ–то и загадка, что они малы и велики, голубые, когда имъ надо быть голубыми, и каріе, и сѣрые, и черные, когда имъ надо быть карими, сѣрыми и черными! О, я бы, кажется, могъ теперь же воспѣть глаза эти, не запинаясь, звучными октавами!

— Пой же! закричалъ Горнилинъ, воспламенившись въ свою очередь: — а я

буду хоть вторить и подъигрывать, взялъ въ руки гитару и ударилъ по струнамъ.

И Буслаевъ запѣлъ говоромъ подъ созвучные лады гитары:

«Глаза, глаза, осыпьте вы меня, подъявши соболины вѣки, струями серебра пловучаго, дождемъ хрустальнымъ окатите! вы, искрометные, вы сыплете роскошно, расточительно тьмы отблесковъ души, души небесной!..

— «О, поскупитесь, тороватые!» подхватилъ Горнилинъ: — «дарите взглядомъ этимъ достойныхъ себя, сыпьте серебро свое на доблестную душу, не сыпьте апельсиновъ — или, бишь, бисера»...

— Передъ Горнилинымъ и ему подобными! закричалъ Буслаевъ, вырвавъ у товарища гитару. — Выпуклое стекло какой–нибудь косморамы болѣе займетъ и утѣшитъ вашу братью, чѣмъ алмазное яблоко ольгиныхъ очей!

— Да, продолжалъ Горнилинъ: — тамъ видъ пообширнѣе будетъ, пообстоятельнѣе и поразнообразнѣе.

— Невѣжа! подхватилъ опять Буслаевъ: — что можетъ быть въ этомъ скудельномъ, нищенскомъ мірѣ обширнѣе и разнообразнѣе этихъ очей? Я вижу въ нихъ вселенную. Не стану и говорить о душѣ, которая сказывается въ этихъ глазахъ, — нѣтъ, объ этомъ съ вашимъ братомъ говорить нечего; но посмотри только простымъ, холоднымъ наблюдателемъ на эту зеницу, на эту живую игру и силу выраженій: ни минуты не стоитъ она спокойно, а отвѣчаетъ на всѣ, всѣ душевныя движенія! то сомкнется въ покоѣ, въ холѣ, въ нѣгѣ — и передъ тобою свѣтлоголубой глазъ, томный, чувствительный, воспріимчивый; ты готовъ растаять, какъ воскъ, и пасть... или нѣтъ, не ты, а кто–нибудь другой, кто это чувствуетъ; то глазъ этотъ расширяется немного, блеснувъ сокровенной искрой, и открываетъ въ срединѣ своей темный зрачокъ необъятной глубины и свѣтлости; то зеница эта вдругъ вовсе отступится отъ своего зрачка, исчезнетъ, расширившись до самой окраины своей, и глазъ темнѣетъ, и

дѣлается изъ темноголубаго каримъ; наконецъ, передъ тобою черный какъ смоль глазъ, который жжетъ огнемъ, на что и куда ни взглянетъ — тряпье мигомъ въ пепелъ и золу; одно чистѣйшее золото, одна только выжига всплываетъ королькомъ…

— Такъ, дружище! сказалъ вздохнувъ Горнилинъ, помолчавъ немного: — все это прекрасно, да вотъ что: не умѣю я вставлять мыслей и чувствъ своихъ по-твоему въ такую великолѣпную оправу рококо, а думаю просто, что эта дѣвица чистая, непорочная въ душѣ, которая во снѣ и на яву дремлетъ еще въ младенческомъ невѣдѣніи своемъ, колышется съ мотылькомъ на стебелькѣ и листочкѣ, съ солнечнымъ лучомъ на зыбкой струйкѣ; но что въ этомъ? когда гляжу на нее, меня жалость беретъ и духъ захватываетъ, томитъ истома. На долго ли все это? Всякая поэзія дана какъ греза; а проза, нагая существенность, запуская понемногу кошачьи когти свои въ глубину, добирается у насъ къ сроку не только до

вещественнаго сердца, но и до духовной души. Она скована, приросла къ костямъ и къ мясу и не выбьется до поры изъ путъ своихъ, не устоитъ, среди небывалаго рая своего, противу насущной, грязной жизни, въ которую попадаетъ по неволѣ, какъ и всѣ мы, потому–что живемъ на свѣтѣ. Къ–чему же все это? Къ тому, чтобъ, неминуемо опаливъ крылья выспренняго полета и расхаживая между остальною плотскою братіею пѣшечкомъ, по уши въ грязи, затоптать непорочное вдохновеніе свое подъ ноги, дать его топтать кому угодно и, обманувшись въ надеждахъ, сладкихъ и пречистыхъ мечтахъ своихъ, въ самой жизни, въ людяхъ, въ себѣ–самой, прозрѣть наконецъ этими голубо–карими глазами въ бездну нечистотъ мірскихъ, въ эту юдольную жизнь, и, изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ черствой, грубой и наглой вещественности ея, заломить руки и, расплываясь слезами, воскликнуть: о я несчастная, обманутая!...

Буслаевъ слушалъ рѣчь эту, самъ заломивъ руки и уставивъ въ старшаго

товарища большіе глаза; наконецъ сказалъ, помолчавъ:

— Но развѣ она не можетъ достаться достойному?

— Достойному! гдѣ же эти небожители? укажи на нихъ. О, кичливый юноша! Развѣ ты не изъ той же плоти созданъ, какъ и всѣ мы грѣшные? развѣ не ждетъ и тебя съ нею участь одна и та же: общаго разочарованія, толкотня вокругъ домашняго очага, горохъ, огурцы и капуста, — словомъ, жизноплотская, вещественная? Не въ томъ дѣло, другъ, кому она, голубоокая твоя, достанется, а въ томъ, что всѣхъ насъ ждетъ одна участь, что всякое обѣщанное на землѣ блаженство есть чистое надувательство, а всякое ощущеніе блаженства — временной хмѣль, чадъ, и послѣ просыпа больно заломитъ голова, заноетъ и защемитъ сердце. Зачѣмъ, для чего это такъ устроено — не знаю; но оно такъ, слѣдовательно, такъ и быть должно и, слѣдовательно, положимъ, къ лучшему; но гдѣ это лучшее — мы также не знаемъ; видимъ только, что не здѣсь. Кичливый

умъ нашъ и высокомѣрное сердце — вотъ источники этого ложнаго положенія, въ которое поставлены всѣ мы, все такъ–называемое хваленое образованное общество. Блаженъ, кто убиваетъ залетныя, заносчивыя грезы свои потовымъ трудомъ, не давая разгула духовному началу своему; прійдетъ срокъ — и духъ возцарствуетъ на волѣ. А кто, не къ мѣсту нѣжа плоть свою досугомъ, взъиграетъ жаворонкомъ и заликуетъ соловушкой, тотъ не жилецъ нашъ: онъ подъ–часъ самъ отъ себя не скажется дома. Между–тѣмъ, такъ мы растемъ, такъ мужаемъ: насъ учатъ смолоду жить духовною жизнію, чтобъ потомъ разучиваться, какъ управимся, самоучкой; чтобъ вѣкъ гоняясь за счастіемъ, со–дня–на–день болѣе отъ него удаляться, копаться муравьемъ въ наносныхъ кучкахъ тли, воображая, что мы входимъ по золотымъ ступенямъ въ баснословный храмъ истины и свѣта, — словомъ, чтобъ, выбившись изъ силъ, пасть безъ памяти въ какомъ–то чаду, въ житейскомъ угарѣ, и очнуться — если

доведется еще на бѣду очнуться, съ какою–то заглохшею пустотою въ груди и въ головѣ, гдѣ все исчезло, что было смолоду насажено, — потому–что насажены–то были вербочки съ бумажными листьями, золотыми яблочками и восковыми фигурками — и гдѣ все поросло не бумажнымъ, а живымъ, корневымъ чертополохомъ...

— Губернаторъ васъ проситъ, сказалъ вошедшій деньщикъ Буслаева. — Буслаевъ, бывъ уже въ мундирѣ, схватилъ шляпу и побѣжалъ; а Горнилинъ спокойно сѣлъ за письменный столъ свой и принялся за бумаги. Онъ проворчалъ только про себя: «И тутъ то же, что и всюду; пишешь, пишешь — будто на письмѣ свѣтъ стоитъ; ину–пору запишешься до того, что самъ этому повѣришь, и что, кажется, если не сдѣлаешь на то письменнаго распоряженія, то и солнышко завтра не выйдетъ и не будетъ пятницы, либо вторника. А какъ разсудишь по совѣсти, то, право, роздалъ бы всю бумагу, сколько есть ея на бѣломъ свѣтѣ, ребятишкамъ на змѣи, а перья на

морковные пистолеты. Но вотъ до чего мы запутались въ своихъ понятіяхъ, вотъ до чего мы, — безъ сомнѣнія, по чрезвычайной образованности своей, — все выворотили наизнанку: связку бумагъ мы называемъ дѣломъ; а самое дѣло, существенное исполненіе на дѣлѣ, къ чему все должно бы стремиться — мы называемъ... да не называемъ вовсе: для этого нѣтъ у насъ и названія. Переписка изъ средства чуть ли не обратилась въ цѣль, и мы добросовѣстно воображаемъ, что сдѣлали дѣло, когда исписали нѣсколько листовъ бумаги!

— Пойдемте къ близнецамъ, Илья Львовичъ, сказалъ губернаторъ Буслаеву: — надобно посмотрѣть на новыя чудеса ихъ, на дагерротипные портреты, да оттиснуть и свои бакенбарды съ принадлежностію; благо не красками росписываютъ, такъ, глядя на портретъ, можно будетъ подумать, что и сѣдинъ еще нѣту!

До близнецовъ всего было пути какихъ-нибудь 100 саженъ; но подали, по обычаю, коляску четверней. Бѣдный человѣкъ! Ему

нельзя даже пройдтись по городу, какъ нашему брату, потому–что это неприлично, по понятію тугаринцевъ, и надѣлало бы тревоги на цѣлую недѣлю! Въ–самомъ–дѣлѣ, положеніе этихъ людей иногда жалко: куда ни повернись, гдѣ ни пошевелись — вездѣ слѣдятъ за тобою десятки ногъ и глазъ; покоя и простора нѣтъ; гдѣ бы ты ни стоялъ, что бы ни дѣлалъ, всегда и вездѣ ты выходишь какъ на–показъ; всюду есть и должны быть свидѣтели, наблюдатели, услужливые и почтительные, послушные, покорные, исполнительные... но безъ свидѣтелей и наблюдателей можно быть развѣ только въ своемъ кабинетѣ. Какъ это должно быть скучно, какъ утомительно!..

Близнецы были оба дома и приняли желаннаго гостя съ большимъ умѣньемъ. Трудно описать, въ чемъ заключалось это умѣнье. Свѣтская вѣжливость, предупредительность, уваженіе — это немудрено найдти нынче во всѣхъ свѣтскихъ людяхъ, обтершихся въ хорошемъ обществѣ; но въ близнецахъ

было еще что–то особенное, какое–то благородство и ловкость во всѣхъ пріемахъ, обнаруживающія скромное чувство собственнаго достоинства, избавляющее гостя отъ нѣсколько–тягостнаго для него чувства, что всякое движеніе, стараніе и забота хозяина относятся собственно къ нему, къ гостю, и что все то, что дѣлается, дѣлается собственно для него. Умѣнье это, ловкость, свѣтская развязность близнецовъ, скрадывали очень–искусно даже самый видъ одолженія и покрывали всѣ дѣйствія ихъ лоскомъ обыкновеннаго приличія. Умѣнье это было, можетъ–статься, не послѣднею причиною, почему все тугаринское общество было безъ ума отъ близнецовъ. Они обворожили, обошли всѣхъ, какъ лѣшій обходитъ путника, и никто не могъ выпутаться изъ непосредственнаго ихъ вліянія.

Давно уже губернаторъ собирался навѣстить близнецовъ, чтобъ осмотрѣть всѣ чудеса ихъ, о которыхъ весь городъ не могъ наговориться. Въ–самомъ–дѣлѣ, домъ ихъ представлялъ крайне–замѣчательное

собраніе предметовъ изящества, рѣдкостей всякаго рода и въ то же время мастерства и искусства самихъ хозяевъ. Трудно было придумать что–нибудь, чего бы они не умѣли сдѣлать своими руками, и притомъ едва–ли не лучше, нежели кто–нибудь иной. Убранство комнатъ было у нихъ таково, что обратило бы на себя вниманіе даже въ столицѣ; въ губернскомъ же городѣ, хотя бы это былъ и Тугаринъ, можетъ–быть, ничего подобнаго не бывало. Сверхъ–того, почти все, что только въ домѣ ихъ обращало на себя вниманіе посѣтителей, было собственной ихъ, близнецовъ, работы, чему даже трудно было бы повѣрить, еслибъ и самая мастерская ихъ не была для всякаго открыта.

Губернаторъ вошелъ. Въ первой, довольно–обширной комнатѣ, или такъ–называемой залѣ, разставлены были съ большимъ вкусомъ художественныя произведенія всѣхъ родовъ. Комната была въ два свѣта; отступя аршина на три отъ каждой изъ продольныхъ стѣнъ,

расположены были въ одинъ рядъ, попарно, мраморныя изваянія въ полный человѣческій ростъ, на цвѣтныхъ стоялахъ; верхъ надъ этими изваяніями забранъ былъ почти сплошь превосходными картинами разной величины: большія висѣли надъ самыми статуями, меньшія наполняли промежутки, образуя въ общности узоръ въ видѣ сводовъ, которыхъ пятки сходились надъ каждою парой статуй. Сверхъ–того, рядъ этотъ былъ завѣшанъ также точно картинами и съ–изнанки, отъ оконъ. Такимъ образомъ, зала раздѣлена была, продольною двойною колоннадою, на средній и два боковые участка, изъ которыхъ каждый былъ убранъ и украшенъ особо. Въ лѣвомъ разставлена по простѣнкамъ старинная мёбель самой высокой работы прошлыхъ вѣковъ: все это было изъ цѣльнаго дуба или орѣха, съ выпуклой рѣзьбой, съ широкими карнизами и затѣйливыми на нихъ сухариками, съ плодами, цвѣтами, головками, цѣлыми человѣческими тѣлами, звѣрями, баснословными животными и со

множествомъ прикрасъ тогдашняго времени; все это было сработано, какъ работали прадѣды наши, чтобъ стало на сто лѣтъ съ походомъ, не щадя ни припасовъ, ни труда. Мёбели фанерной или наклейной и съ нарѣзкой, какъ ее начали дѣлать уже съ половины прошедшаго вѣка, здѣсь не было вовсе. На этихъ вещахъ разставлена была различная посуда и другая старинная утварь — серебряная и золотая, вальяжной работы, съ слоновою костью, черепахой, раковинами, кораллами, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. На каждое блюдо, кружку, кубокъ, рогъ, ковшъ, чарку, стопу, горку, ендову или корабликъ можно было заглядѣться, и нынѣшнимъ облизаннымъ стопамъ нашимъ, или поддѣльнымъ на живую нитку чашамъ рококо было бы стыдно стать рядомъ съ этими полновѣсными произведеніями искусства.

По правую руку, или въ правомъ участкѣ, по простѣнкамъ и подъ окнами, расположены были музыкальные инструменты всѣхъ родовъ, величинъ и

народовъ, начиная отъ гудка и балалайки до контрбаса, отъ рожка и сопѣлки до семидесяти–двухъ русскихъ роговъ, отъ серинетки до органовъ и рояля. Тутъ же, у одного окна, была придѣлана съ большимъ искусствомъ эолова арфа, о которой народъ бредилъ удивительными нелѣпицами. Когда въ сумерки окно это растворялось и гусли–самогуды начинали издавать нѣжныя и полныя созвучія свои, то народъ стоялъ толпами подъ окномъ и слушалъ до самой полуночи, припоминая сказку объ Иванѣ–Царевичѣ, о жаръ–птицѣ и о гусляхъ–самогудахъ, о которыхъ доселѣ слыхивалъ только въ сказкахъ, а теперь видѣлъ ихъ на яву. Въ другомъ ряду обоихъ боковыхъ участковъ, то–есть, насупротивъ оконъ и задъ–съ–задомъ со статуями, было расположено оружіе, охотничье вооруженіе и припасы и даже капканы, западочки и ловушки всѣхъ сбыточныхъ родовъ, начиная отъ мышеловки, удочки и птичьихъ цапковъ до пятипудоваго медвѣжьяго капкана, рогатины и китовыхъ багровъ. Ружья, пистолеты, сабли и ножи всѣхъ

народовъ красовались тутъ же среди щитовъ, сѣкиръ, бердышей, копій, кистеней, чекановъ и мечей. По срединѣ залы стоялъ великолѣпный рояль со всѣми принадлежностями, съ запасомъ нотъ на вычурныхъ рѣзныхъ полочкахъ и особымъ, не менѣе затѣйливымъ устройствомъ для освѣщенія.

Все это было показано губернатору съ надлежащими поясненіями и въ порядкѣ, одно за другимъ; его водили то Ефремъ, то Малахій Поликарповичи, и онъ, обращаясь къ тому или другому съ вопросомъ, никогда не зналъ навѣрное, кто изъ нихъ передъ нимъ: такъ они были другъ на друга похожи. Если они стояли рядомъ, то ихъ не трудно было отличить: Малахій былъ пониже, похудощавѣе и поблѣднѣе лицомъ; но порознь никто почти ихъ не различалъ. Народъ утверждалъ, что если хорошенько вглядѣться въ старшаго, въ Ефрема, то за нимъ всегда стоялъ и Малахій; что даже изъ глазъ Ефрема, если въ нихъ пристально всмотрѣться, выглядывалъ на глубинѣ зрачка братъ его Малахій. Эта странная

сказка была какъ–то сплетена съ общимъ у насъ народнымъ повѣрьемъ, что въ глубинѣ глаза каждаго человѣка сидитъ другой человѣкъ, почему и самый зрачокъ иногда называется человѣчкомъ. Разрѣшеніе загадки этой, впрочемъ, очень–просто и заключается въ томъ, что въ зрачкѣ всегда отсвѣчиваются, какъ въ зеркалѣ, окрестные предметы, и что каждый изъ насъ можетъ увидѣть себя въ зрачкѣ своего собесѣдника.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ покояхъ близнецовъ, были расположены рабочія или мастерскія ихъ. Разсматривая тамъ начатыя работы — картины, мраморныя изваянія, мёбель, ружья, токарныя, гончарныя и другія работы всѣхъ возможныхъ родовъ — губернаторъ не могъ надивиться этому небывалому соединенію въ однихъ и тѣхъ же двухъ лицахъ всѣхъ искусствъ и художествъ.

— Но, ради Бога, сказалъ онъ наконецъ: — объясните мнѣ хотя одно: когда у васъ достаетъ времени на все это? Я рѣшительно становлюсь въ тупикъ; не

говорю уже о непонятномъ для насъ искусствѣ вашемъ, о томъ, что вы знаете и умѣете все, дѣлаете все; но помилуйте, васъ только двое, даже помощниковъ у васъ не видать.... когда же вы успѣваете? Это непонятно! Не–уже–ли слухи, которые объ васъ носятся на этотъ счетъ справедливы?

— О, не вѣрьте слухамъ! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: — вы сами знаете, что такое значитъ народная болтовня....

— Однакожь, возразилъ губернаторъ: — какъ же вы мнѣ эту загадку объясните? Говорятъ, вы вовсе не нуждаетесь въ снѣ, и у васъ, не въ примѣръ намъ грѣшнымъ, въ суткахъ двадцать–четыре рабочіе часа?

— Это придумали отъ нечего дѣлать, сказалъ улыбаясь близнецъ: — къ сказкѣ этой, вѣроятно, подало поводъ то, что мы вообще точно мало спимъ, а иногда посидимъ и ночью, если заработаемся, какъ случается со всякимъ.

Разговоръ этотъ, казалось, былъ непріятенъ Таганаеву, и онъ вслѣдъ за тѣмъ заговорилъ о другомъ.

Буслаевъ разсматривалъ все съ большимъ вниманіемъ; онъ также поневолѣ изумлялся этой, можно сказать, сверхъестественной дѣятельности и всеобъемлемости дарованій; но ему даже и это невольное сознаніе было въ тягость: онъ не наслаждался тѣмъ, что видѣлъ, а терпѣлъ и выдерживалъ только поневолѣ, немогши оставить своего начальника. Близнецы, не таясь, показали въ мастерской своей вновь–начатые рѣзные шкафы, точно работы XVI вѣка, недоконченные антики бѣлаго мрамора, серебряную посуду въ работѣ... словомъ, объяснилось, что всѣ чудеса эти были издѣлія самихъ близнецовъ, хотя всѣ эти вещи, по–крайней–мѣрѣ въ глазахъ тугаринскихъ знатоковъ, ровно ничѣмъ не отличались отъ подлинниковъ, которыхъ, впрочемъ, также никто не видалъ. Но у Буслаева въ то же время щемило сердце, само не зная по комъ и по чемъ. Въ одной изъ статуй, Буслаевъ, къ ужасу своему, узналъ Ольгу, хотя сходство это было скрыто довольно–искусно: его оскорбила

нагота изваянія и, сверхъ–того, выраженіе лица, въ которомъ были столь чуждыя Ольгѣ наглыя и страстныя черты.

Близнецы были противны Буслаеву при всемъ его удивленіи къ ихъ геніальной даровитости; Ольга съ золотыми кудрями своими, кажется, замѣшалась какъ–то въ это дѣло и застила Буслаеву, становилась между нимъ и каждой картиной, статуей или другимъ предметомъ; а какъ она была не просвирнина дочь, то сквозь нее ему и нельзя было видѣть. Буслаевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца этого посѣщенія.

Дагерротипный портретъ губернатора былъ сдѣланъ, какъ дѣлаютъ ихъ нынче — въ нѣсколько секундъ, потомъ вставленъ въ приготовленную заранѣе богатую рамочку и врученъ почетному посѣтителю. Таганаевъ предложилъ Буслаеву то же; этотъ хотѣлъ отговориться, но приличіе требовало наконецъ уступить, и не успѣлъ онъ присѣсть, какъ и ему также вручили готовый портретъ его. Выраженіе было какое–то злое, искаженное; но Буслаевъ

понималъ, что можетъ винить въ этомъ только себя–самого, поблагодарилъ и положилъ портретъ въ карманъ. Близнецы при прощаньи просили позволенія прислать губернатору нѣкоторыя вещи, которыя ему особенно понравились; одинъ изъ нихъ сдѣлалъ даже то же предложеніе адъютанту его; но этотъ, самъ не памятуя чѣмъ и какъ, отговорился, и спѣшилъ вонъ вслѣдъ за своимъ начальникомъ.

Деньщикъ губернатора, суевѣрный олончанинъ, любившій притомъ, при спопутности, лишнее выпить, разсказывалъ дворнѣ, по пріѣздѣ домой, такія чудеса, какихъ не видывали не только на яву, но и во снѣ, самъ губернаторъ и Буслаевъ: деньщикъ увѣрялъ, что, стоя въ передней и заглядывая въ двери, онъ видѣлъ, какъ всѣ статуи эти ворочались, потягивались и зѣвали каждый разъ, когда губернаторъ съ адъютантомъ отъ нихъ отворачивались; онъ увѣрялъ, что близнецы Таганаевы то сходились вмѣстѣ и сплавлялись въ одного человѣка, то опять раздвоивались и даже расходились на–трое; что третій близнецъ

былъ еще менѣе, сухощавѣе и блѣднѣе втораго. Онъ увѣрялъ, клялся и божился, что комната, по частямъ, застилалась внезапно густымъ туманомъ, словно маревомъ, въ которомъ кишила какая–то чертовщина, а тамъ опять выростали тѣ же мраморы и картины, а туманъ ложился на вещи свѣжей позолотой, и проч. — Черти, такъ черти и есть! прибавилъ деньщикъ, и плюнулъ. Иные дивились этому разсказу, крестились и ужасались, другіе смѣялись, увѣряя, что у деньщика съ похмѣлья семерило въ глазахъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, въ людской губернаторской случилось, ради праздника, нѣсколько посѣтителей обоего пола; было угощеніе и бесѣда обо всякой всячинѣ; заставили деньщика повторить все, что онъ видѣлъ утромъ, и толковали объ этомъ долго и обстоятельно.

— Они–таки точно, говорятъ, съ нечистымъ знаются! замѣтилъ поваръ.

— Чего знаются, подхватилъ старый кучеръ: — таки–просто самъ сатана въ нихъ, да и только. Это ехидна, змій–

василискъ во образѣ человѣка; отъ–того ему дьяволъ и служитъ.

— Отколѣ жъ они берутся, эти зміи? спросилъ кто–то.

— А вотъ откуда, отвѣчалъ кучеръ: — вотъ, полубарыни, чай, знаютъ спорышокъ, продолжалъ онъ, указавъ на дворовыхъ женщинъ: — спорышокъ — маленькое яичко, выносокъ куриный, послѣдній, что ли, говорятъ, и всего–то съ солдатскую пульку. Ну, вотъ, это все ничего, потому–что снесла его курица, хоть и ошиблась; а то и пѣтуху приводится ину–пору этакой спорышокъ снести, ровно куриный выносокъ.

— Пѣтуху! воскликнули иные, между–тѣмъ, какъ другіе подтверждали это, и кучеръ продолжалъ:

— Да, пѣтуху; только на рѣдкость, во сто лѣтъ одинъ разъ, — во сто лѣтъ, то–есть, одинъ только такой пѣтухъ найдется, и снесетъ. Старые люди отъ дѣдовъ слышали, что пѣтухъ въ это время закружится на одномъ мѣстѣ, захлопаетъ крыльями, заоретъ, запоетъ по обычаю

своему, да и снесетъ яичко. Вотъ тебѣ и штука: яичко не величко, да въ немъ что сидитъ, спроси, — такъ и узнаешь кузькину матушку, да! Кто знаетъ что поболѣе нашего, такъ его не обманешь яйцомъ этимъ. Вонъ, знахарь какой–нибудь съ разу толкъ дастъ въ немъ; а нашему брату, разумѣется, не въ догадъ. Коли такое яйцо попадется дѣвкѣ, да она его шесть недѣль день и ночь проноситъ подъ мышкой, такъ и выведетъ изъ него эту самую ехидну, то–есть змія–василиска. Онъ–то какъ вылупится, такъ и поклонится названной матери своей, дѣвкѣ этой, всею нечистою силой преисподнею, и станетъ службы служить на дѣвку–ту всякія: что ни задумай она, что ни загадай, все тутъ. Вотъ онъ служитъ службы, а самъ отпрашивается у нея на волю; а какъ–только обманетъ ее, выпросится, либо заслужитъ волю за три службы большія, то и пойдетъ по свѣту ходить да бѣдокурить. Добра отъ него не жди: все худо да худо; куда ни пришелъ, все бѣда около него, а самому ничего; самъ онъ, ровно нечистый, и перекидывается во

что захотѣлъ, и мару всякую на людей напускаетъ и что хочетъ, то и проказитъ.

— А какую жъ это онъ мару напускаетъ, дядюшка? спросилъ робко подчиненный кучера, выносной мальчишка.

— Какую, отвѣчалъ тотъ: — ты, щенокъ, что разумѣешь? а вотъ какую: отведетъ тебѣ глаза, да и только. Вотъ у насъ на ярмаркѣ появился такой: лежатъ колоды, бревна; онъ тебѣ въ одинъ конецъ въ бревно влѣзетъ, и пролѣзетъ его насквозь, ровно бъ тебѣ вотъ въ трубу какую, а въ другой конецъ и вылѣзетъ. Народъ стоитъ кругомъ, не надивуется, а тутъ сторонніе мужики подъѣхали съ сѣномъ, имъ–то вишь и не успѣлъ онъ глаза–тѣ отвести, и не вдогадъ; они глядятъ со стороны: что молъ народъ чему дивится? Братцы, да вѣдь онъ не въ колоду лѣзетъ; нешто не видите: онъ по землѣ, собака, ползетъ, подлѣ бревна! А тотъ и вскочилъ: «Вы, говоритъ, чего сюда глазѣть пришли? а что воза ваши горятъ, этого и не видите?» Глядь, — анъ сѣно–то и горитъ; вотъ оно что!

— А какой же ему конецъ будетъ, дядя, этому змію? спросилъ форейторъ, едва переводя духъ.

— А извѣстно какой, продолжалъ кучеръ: — провалится сквозь землю, какъ конецъ прійдетъ; живымъ огнемъ сгоритъ: вотъ самъ изо рта полымя выпуститъ, да такъ самъ–по–себѣ и сгоритъ на мѣстѣ, и головешки не останется; пропадетъ да и только.

Обществу, собравшемуся въ застольной на дворѣ губернаторскомъ, все это показалось хоть и страшно, но весьма–правдоподобно. Были, правда, вольнодумцы, какъ, напримѣръ, буфетчикъ Ѳедька, который утверждалъ, что все это враки; что у деньщика спохмѣлья голова вертѣлась и въ глазахъ семерило; но большинство было на сторонѣ вѣрующихъ, и грозили даже Ѳедькѣ, что когда–нибудь ему за вольнодумство будетъ худо.

Между–тѣмъ, въ этотъ же вечеръ, въ одномъ изъ видныхъ каменныхъ домовъ Тугарина, стройная какъ тополь молодая дѣвушка вошла въ свою почивальню;

одинадцать ударило; она остановилась въ дверяхъ, положила руку на грудь, вскинула глаза кверху, вздохнула и опять опустила голову, будто ей было что–то очень–тяжело. Осмотрѣвшись за тѣмъ, одна ли она, посмотрѣла также, плотно ли опущены сторы у окна, притворила тихо дверь, прислушалась во всѣ стороны, и наконецъ достала изъ–за косыночки записку и робко подошла къ уборному столику, на которомъ стояли двѣ свѣчи и большой пучокъ прекрасныхъ цвѣтовъ. Она присѣла, склонила голову и, развернувъ записочку, начала ее медленно читать. Грудь ея всколыхалась зыбью не отъ внѣшней бури, а отъ внутренняго волненья. Читая все однѣ и тѣ же три строки, она оперлась на локоть, опустивъ голову на руку, и золотистыя кудри засыпали собою и руку и лицо ея. Толстая въ руку коса была обвита вокругъ гребня, и, вмѣстѣ съ этими кудрями показывала необычайное богатство и роскошь волосъ. Наконецъ, она опрокинулась въ креслахъ назадъ, закинувъ голову, зажмуривъ глаза и

опустивъ руки на колѣни, какъ утомленная до–нельзя. Она, казалось, дремала, но вѣки быстро дрожали. Въ этомъ положенiи была она изумительно–хороша и живописна. Какой превосходный, изящный очеркъ, какая свѣжесть и прозрачность продолговатаго лица, внезапно открывшагося отъ разсыпавшихся въ обѣ стороны кудрей! какой изящный станъ, какая удивительная соразмѣрность склада въ плечахъ, груди и лебяжьей шеѣ... Но ей послышались шаги: она внезапно выпрямилась на креслахъ и открыла глаза... глаза, которые описалъ уже Буслаевъ, и описалъ вѣрно, сказавъ, что они бываютъ и голубые, какъ самая яркая незабудка, и черные, какъ крыло ворона. Это замѣчательное и довольно рѣдкое свойство глаза человѣческаго основывается на томъ, что зеница бываетъ голубая, а отверстiе ея, или зрачокъ, какъ всегда, темный или черный; а какъ зрачокъ съуживается и расширяется, то зеница иногда почти вовсе исчезаетъ въ узенькой полоскѣ, и вся средина глаза является черною. Прибавимъ

къ этому, что зеница съуживается и образуетъ голубой глазъ при разсмотрѣніи близкихъ предметовъ, или при умственномъ напряженіи къ тому; а расширяется она и образуетъ черный глазъ при взглядѣ на предметы отдаленные или при игрѣ воображенія, представляющаго, хотя бы то въ переносномъ смыслѣ, отдаленные, мечтательные предметы. Посему описанное нами явленіе всегда служитъ доказательствомъ чрезвычайно–пылкаго, бѣглаго и заносчиваго воображенія и души, способной къ внезапнымъ, нѣжнымъ и страстнымъ впечатлѣніямъ. У этихъ людей, въ–особенности, если это женщина, глазъ всегда загорается особеннымъ блескомъ, какъ выраженіемъ этой же чрезвычайной живости и воспріимчивости воображенія и пламенной души.

Шаги вскорѣ затихли, Ольга успокоилась; оборотивъ голову и встрѣтивъ передъ собою глазами зеркало, она углубилась въ него взоромъ и задумалась опять такъ же упорно, какъ и прежде, когда зажмурившись закинула головку на спинку

креселъ. Въ это время, она видѣла въ зеркалѣ большіе черные глаза, что и служитъ яснымъ доказательствомъ, что она, не смотря на пристальный взглядъ свой, разсматривала въ зеркалѣ не себя; иначе, по близости предмета, у нея, конечно, былъ бы глазъ голубой. Записочка все еще была у нея въ рукахъ, и еслибъ вы подошли тихонько съ боку, то прочитали бы:

«Съ позволенія вашего и почтеннѣйшей матушки вашей, спѣшу представить вамъ образчикъ цвѣтовъ моей самоучковой работы. Вѣрьте, что я пользуюсь милостивымъ позволеніемъ этимъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

Вашъ Ефремъ Таганаевъ.»

«Братъ Малахій завидуетъ мнѣ и просилъ позволенія присоединить нѣсколько цвѣтковъ отъ себя; но я, какъ само–собою разумѣется, не позволилъ. Извините!»

Она взглянула на огромную связку яркихъ, превосходныхъ цвѣтовъ и стала

ихъ слегка поглаживать пальчиками, наслаждаясь ихъ нѣжно–бархатною поверхностью. Какъ–будто снова изумившись этому, она привстала и принялась ихъ тщательно разсматривать. Такъ, цвѣты, листья, лепестки, тычинки, пупочки — все это перяное, все изъ самоцвѣтныхъ, яркихъ перьевъ; но если отнести цвѣтокъ отъ глаза только на разстояніе локтя, то можно бы побожиться, что это живые цвѣты. Махровый макъ, гвоздика, шапочки, и особенно маргаритки — это непостижимое подражаніе природѣ, — и все это дѣлаетъ онъ самъ, думала она: — какой вкусъ, какое умѣнье!

Она долго смотрѣла на цвѣты, держа ихъ передъ собою въ рукахъ и склонившись надъ ними головой, будто хотѣла упиться ихъ душистыми, невидимыми парами; но прекрасная на видъ гвоздика была мертва и не душиста. При этой задумчивой недвижности взора, глаза Ольгины, конечно, не разъ темнѣли и голубѣли, загорались блескомъ и потухали, смотря по ходу безотчетныхъ чувствъ ея; но вдругъ

эти глаза заволоклись туманомъ, потомъ крупная слеза расплылась по всему яблоку, потомъ какая–то дрожь пробѣжала по всему тѣлу, слезы внезапно полились ручьемъ, и она, не выпуская пучка цвѣтовъ изъ рукъ, накрыла ими все лицо и долго еще стояла въ этомъ положенiи.

О чемъ, зачѣмъ эти слезы, — этого она не была бы въ состоянiи объяснить. Постараемся сдѣлать это за нее.

Ольга была воспитана, къ–сожалѣнiю, не на землѣ; гнѣздышко ея, выкормившее столько прiемышей, находясь среди самаго шумнаго и многолюднаго въ Россiи города, было отгорожено такъ прочно и плотно отъ дѣйствительности въ физическомъ и нравственномъ отношенiи, что она оперилась, сдѣлалась лётною, вспорхнула и полетѣла, не прикоснувшись еще ни ножками своими до земли безъ паркетной подстилки, ни чувствами своими до чего–нибудь вещественнаго, ни, наконецъ, разсудкомъ и воображенiемъ до бывалаго и сбыточнаго. Въ такомъ состоянiи спустилась она изъ–поднебья подъ кровлю

родительскаго дома, въ Тугаринѣ; молодёжь ударила тревогу при первомъ появленіи въ обществѣ этой райской птички; она же порхала беззаботно, какъ мотылекъ, и смотрѣла на свѣтъ и на общество въ какой–то цвѣтистый, радужный калейдоскопъ глазами то черными, то карими, то лазоревыми, и потому видѣла не дѣйствительность, а то только, что могли представить ей необузданное воображеніе ея и зашитыя въ китайскій башмачокъ понятія. Будучи идоломъ отца и матери, людей довольно–образованныхъ и зажиточныхъ, Ольга не была стѣснена дома ничѣмъ и не успѣла еще разочароваться, оберегаемая родителями отъ всякихъ насущныхъ столкновеній; она еще пѣла, смѣялась и порхала, наслаждаясь властію, силою и избыткомъ дѣвственныхъ прелестей своихъ, и была несказанно счастлива, сама не зная и не вѣдая съ чего и почему. На долго ли такое счастье?

Также безотчетно она теперь плакала и вздымала грудь свою глубокими вздохами;

но какъ блаженство ея происходило отъ этого незримаго владычества надо всѣмъ и отъ сказочныхъ понятій о жизни — такъ и слезы текли теперь по угрожающему безмятежной жизни этой разстройству. Ольгу невозможно было вовсе уберечь отъ наружныхъ вліяній, отъ ядовитаго дыханія свѣта; нельзя было поставить ее восковой фигурой на вербочку и не прикасаться къ ней; она уже нѣсколько разъ въ послѣднее время была поражена враждебно–холодною и суровою дѣйствительностію, хотя и не видала еще желѣзныхъ когтей этого стоглаваго чудовища; затѣмъ она встрѣтилась съ Буслаевымъ, узнавъ въ немъ съ перваго взгляда вѣрнаго, покорнаго и безотвѣтнаго раба. Буслаевъ сталъ навѣщать родителей ея часто; они предвидѣли то, что могло случиться, и не думали тому противиться; Буслаевъ былъ ей дружка по всему; сердце ея только было–взъиграло радостію, какъ утренній жаворонокъ, трепещущій въ вышинѣ надъ землею — какъ вдругъ передъ нею сталъ этотъ загадочный человѣкъ, близнецъ

Таганаевъ, и мгновенно потрясъ и помутилъ всю душу ея, подчинилъ ее себѣ однимъ взглядомъ, приковалъ къ себѣ и господствовалъ надъ нею почти какъ надъ рабыней.... Ольга не понимала тутъ ничего; сердце ея надрывалось и радостію и грустію, но оно страшно томилось отъ какой–то неизвѣстности; оно билось, какъ птичка въ клѣткѣ, какъ мотылекъ, опалившій крылья, упавшій на землю и обратившійся внезапно изъ воздушнаго жильца въ ползучаго, землянаго червя.... она испугалась этого неизвѣстнаго ей доселѣ чувства и однѣ только слезы могли доставить ей временное облегченіе, а сонъ забвеніе. Вотъ источникъ этихъ слезъ.

Со времени поселенія близнецовъ въ Тугаринѣ, стали частенько появляться пожары, и было подозрѣніе въ поджогахъ: народъ, безъ всякаго повода и смысла, утверждалъ, что это происходило отъ близнецовъ. Хлѣбъ нѣсколько вздорожалъ, показался падежъ на скотъ — и въ этомъ народъ винилъ Таганаевыхъ. Самое прозваніе ихъ, какъ носились слухи въ

народѣ, было взято отъ какой–то проклятой горы на Уралѣ, изъ которой–де черти таскаютъ по ночамъ золото бадьями и разсыпаютъ его по доламъ и по угорьямъ. Гора Таганай есть, конечно, на Уралѣ; но сколько извѣстно, въ ней нѣтъ золота, и черти не ходятъ за нимъ туда съ бадьями. Таганай извѣстенъ только дикостью своею, и самая подошва его едва доступна для коннаго путника, а на вершину, усаженную по всему гребню отвѣсной зубчатой скалой, въ родѣ какихъ–то развалинъ, съ трудомъ взбирается пѣшій. Таганай также извѣстенъ, между–прочимъ, какъ мѣсто нахожденія гранатовъ. Но молва судила объ этомъ иначе. Народъ говорилъ, что близнецы «въ себѣ жито держатъ», хотя этому изреченію нельзя было пріискать никакого смысла, потому–что Таганаевы хлѣбомъ не торговали, не сѣяли и не закупали его, а ѣли, вѣроятно, не болѣе, какъ и всякій иной. Но народъ ненавидѣлъ Таганаевыхъ по–крайней–мѣрѣ столько же, сколько образованное общество имъ безусловно удивлялось, и ненавидѣлъ безъ

причинъ, а по какому–то чутью или предубѣжденію, считалъ ихъ въ связи съ нечистой силой и, взваливая на нихъ всякое зло, всякое бѣдствіе и несчастіе, разсказывалъ на ихъ счетъ страшныя нелѣпости.

Извѣстно по стократному несчастному опыту, что никакое народное бѣдствіе — холера, неурожаи, голодъ, пожары, палы, и пр., не приписываются народомъ естественному стеченію обстоятельствъ: чернь всегда ищетъ и находитъ виновника, и доводы и доказательства этому тѣмъ убѣдительнѣе для черни, чѣмъ они нелѣпѣе. Точно то же случилось и тутъ. Во всемъ, что было дурнаго, виноваты были близнецы; оправданій никто отъ нихъ не спрашивалъ и не принималъ, а молвѣ невозможно зажать рта, потому–что говоръ ея разносится незримыми устами.

Буслаевъ, съ благородными, возвышенными, можетъ–быть, нѣсколько–залетными чувствами своими и воображеніемъ, былъ поставленъ близнецами въ какое–то странное

положеніе. Онъ страстно привязался къ Ольгѣ, и со дня первой встрѣчи съ нею у него была одна дума, одно желаніе и стремленіе, чтобъ заслужить благосклонность ея, — о любви онъ почти не смѣлъ мечтать, — и просить ея руки. Онъ всѣми средствами и усиліями старался обратить на себя ея вниманіе и устранить другихъ соискателей, и первое время, казалось, начиналъ въ этомъ успѣвать; но вдругъ явился близнецъ этотъ, или близнецы, и, выворотивъ на изнанку всѣ мѣры и предположенія его, поселили въ немъ лихорадочное безпокойство и поразили параличомъ всю дѣятельность его на этомъ поприщѣ.

Странно, но самый скромный и невинный шагъ Буслаева, если онъ имѣлъ какое–либо отношеніе къ этому предмету, выходилъ теперь неудаченъ и даже нерѣдко оказывался неумѣстнымъ. Смѣшно и глупо было бы приписывать это Таганаевымъ, которые большею частію не могли имѣть на это никакого вліянія; но Буслаеву невольно

мерещились эти зловѣщія птицы день и ночь, во снѣ и наяву.

Тугаринское общество приглашено было на загородную закуску, обѣдъ и вечеръ, устроенные въ обширномъ саду, который принадлежалъ хозяину празднества, мѣстному откупщику питейныхъ сборовъ. Баринъ этотъ праздновалъ именины супруги своей, крещеной еврейки, и задавалъ пиръ на славу.

На этомъ веселомъ праздникѣ, куда былъ приглашенъ весь городъ и никто не замедлилъ прибыть, гдѣ гости пировали и забавлялись, каждый по своему вкусу и желанію, почти круглыя сутки, — на этомъ праздникѣ одинъ изъ близнецовъ показалъ себя опять въ полномъ блескѣ мужества, ловкости и искусства. Другой братъ его не пріѣхалъ по нездоровью; но правда, что этотъ съ честію отвѣчалъ за двоихъ: и смѣшно и странно было видѣть, какъ обращающіеся къ нему со всѣхъ сторонъ съ разговоромъ поперемѣнно называли его одинъ Ефремомъ, другой Малахіемъ Поликарповичемъ; онъ же, привыкнувъ къ

этому недоразумѣнію и вполнѣ издавна съ нимъ освоившись, одинаково отзывался и отвѣчалъ на тотъ и на другой зовъ, не подавая изъ вѣжливости даже вида, что въ немъ обознались.

Тутъ были въ саду устроены игры, гимнастическіе снаряды и упражненія всѣхъ родовъ, до которыхъ нынѣшній начальникъ губерніи былъ большой охотникъ: почему услужливый хозяинъ праздника и позаботился всѣми силами угодить этому вкусу, сдѣлавшемуся, впрочемъ, въ Тугаринѣ со времени прибытія губернатора всеобщимъ. Вся тугаринская молодежь состязалась въ ловкости и силѣ на площадкѣ передъ зданіемъ, между–тѣмъ, какъ барыни и дѣвицы, разсыпавшись по открытымъ окнамъ и на огромномъ крыльцѣ съ навѣсомъ, присутствіемъ своимъ оживляли ристалище и подстрекали самолюбіе соперниковъ.

Давно уже кто–то замѣтилъ странность природы человѣческой, состоящей въ томъ, что мы безъ особеннаго огорченія готовы уступить кому–либо, по заслугамъ,

первенство въ умственныхъ способностяхъ; но большая часть изъ насъ крайне–раздражительны, если намъ приходится признать себя побѣжденными въ какихъ–либо тѣлесныхъ упражненіяхъ. То же обнаруживалось и здѣсь: за чтобы ни принимался Таганаевъ — за кегли, карусель, прыганье съ шестомъ и безъ шеста, бѣганье въ запуски, за перетяжку черезъ палку или рука съ рукой, наконецъ за стрѣльбу въ цѣль изъ лука, пистолета и винтовки, — во всемъ онъ выходилъ до того побѣдителемъ, что ему не могло быть въ числѣ гостей ни одного соперника. Каждому совѣстно было выказать ребячество свое и негодованіе на то, въ чемъ никто не виноватъ и чему въ сущности всякій только завидовалъ; но многіе не могли скрыть этого чувства, и одна только чрезвычайная любезность самого близнеца и умѣнье его обращаться примиряли съ нимъ, хотя по наружности, оскорбленныхъ его соперниковъ. Онъ нисколько не искалъ случая выказать ловкость, силу и искусство свое, а напротивъ, вступалъ въ состязаніе

не иначе, какъ когда самое приличіе не позволяло уклониться отъ вызова или приглашенія, не выказавъ какого–то неумѣстнаго упрямства или пренебреженія. Но обстоятельства сами–собой были до того странны, что поводъ этотъ преслѣдовалъ его, такъ–сказать, шагъ за шагомъ, и что такимъ образомъ, близнецъ, при всей скромности своей, почти не сходилъ съ поприща. Едва оканчивалъ онъ однимъ ударомъ партію кеглей, какъ человѣка два–три изъ побѣжденныхъ въ стрѣльбѣ или иномъ упражненіи уже приглашали его помѣряться съ ихъ противникомъ, и обоимъ, при обязательныхъ пріемахъ Таганаева, нельзя было отъ этой чести отказаться. Такимъ образомъ, не только сами соучастники, такъ–сказать, натравливали Таганаева другъ на друга, но и зрители и даже зрительницы, вмѣшиваясь иногда въ общій говоръ и одобряя ловкость того или другаго молодаго человѣка, вызывали его на состязаніе съ близнецомъ, который всегда

выходилъ побѣдителемъ, оставляя всѣхъ за собою.

Въ такое положеніе былъ поставленъ нѣсколько разъ въ теченіе этого дня добрый, но разсудительный и влюбленный до безумія Буслаевъ. Онъ и безъ того ненавидѣлъ Таганаева, можетъ–быть угадывая въ немъ, не по соображеніямъ, а по безотчетному чувству, соперника; теперь же онъ не зналъ куда дѣваться отъ негодованія и злобы, а между–тѣмъ сохранилъ еще столько присутствія духа и спокойствія, чтобъ понять, что онъ самъ сдѣлался бы смѣшонъ, еслибъ обнаружилъ такое ребячество. И вотъ въ чемъ состояла тайна искусства и наслажденія близнеца: озлобить человѣка противъ себя, вывести его изъ всякихъ предѣловъ терпѣнія, но связать его въ то же время законами нашихъ условныхъ приличій и удержать ничѣмъ–ненарушаемымъ спокойствіемъ своимъ и обязательнымъ обращеніемъ въ границахъ свѣтской вѣжливости. При всемъ томъ, Таганаевъ умѣлъ, однакожъ, мастерски выказать, гдѣ считалъ это

нужнымъ, перевѣсъ силъ своихъ или искусства; и въ этотъ день, между–прочимъ, какъ–будто въ предостереженіе всѣмъ недоброжелателямъ своимъ, не безъ намѣренія, можетъ–быть, сажалъ изъ пистолета пулю въ пулю, отходя, въ видѣ шутки, все дальше и дальше отъ цѣли; а наконецъ, когда неосторожная кукушка, Богъ–вѣсть откуда взявшись, пронеслась какъ ястребъ между деревьями, то онъ также спокойно пронизалъ ее пулькой, и засмѣявшись, будто съигралъ какую–нибудь самую обыкновенную шутку, передалъ пистолетъ и отошелъ въ сторону, заговоривъ съ кѣмъ–то о вовсе–постороннихъ предметахъ.

Народъ, который глазѣлъ на пиръ этотъ съ улицы, черезъ узенькія щели промежъ досками забора, не только объяснялъ и толковалъ видѣнное имъ по–своему, но смотрѣлъ даже на все это совсѣмъ–иными глазами. Такъ народная молва утверждала послѣ, что и другой братъ или близнецъ ходилъ всюду слѣдомъ за первымъ, подавалъ ему пистолеты, сажалъ прямо изъ

руки пулю въ цѣль, а когда близнецъ убилъ въ летъ кукушку, то народъ увѣрялъ, что какой–то чертенокъ держалъ ее вплоть передъ нимъ, растянувъ за крылья. Подобнаго вздора много ходило молвой, и нѣкоторые даже утверждали, что видѣли тутъ не только двухъ, но и всѣхъ трехъ братьевъ; но что третій мелькалъ тамъ–и–сямъ, какъ тѣнь, устроивалъ также все, что было нужно для успѣха Ефрема, мѣшалъ въ чемъ могъ другимъ и дразнилъ всѣхъ людей языкомъ. Подобныя нелѣпости каждый разъ ходили въ народѣ, когда одинъ изъ близнецовъ гдѣ–либо показывался и обращалъ на себя вниманіе; не умѣя объяснить себѣ ловкость или искусство человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ, народъ придумывалъ такія, обыкновенныя въ быту его, толкованія и стоялъ за нихъ горою. Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ невозможно было узнать или дослѣдиться, отъ кого именно подобный вздоръ выходилъ; «всѣ говорятъ», «народъ говоритъ» — этимъ ограничивались всѣ свѣдѣнія.

О убитой кукушкѣ народъ въ особенности толковалъ довольно–много. Даже стрѣлкамъ и охотникамъ диво это казалось несбыточнымъ. Есть народное повѣрье, что бываетъ наговоренное ружье съ чортикомъ, т. е., когда знающій человѣкъ прицѣлится имъ въ птицу, то она отъ него уйдти не можетъ; чертенокъ, ухвативъ ее и растопыривъ за крылья, держитъ прямо передъ дуломъ, не опасаясь самъ быть раненнымъ; птица бьется и трепещетъ, но не можетъ вырваться; а когда охотникъ выстрѣлитъ, то чертенокъ бросаетъ ее на земь и самъ исчезаетъ. Все это вполнѣ согласовалось съ тѣмъ, что народъ, т. е., неизвѣстно кто именно, видѣлъ въ щели забора, — и потому въ застольныхъ, людскихъ и переднихъ никто не сомнѣвался въ истинѣ этой нелѣпицы, которая пересказывалась и въ высшемъ обществѣ то вслухъ, какъ чистая нелѣпость, то шопотомъ, какъ странность, въ которой недоумѣвали.

Буслаевъ былъ на этомъ праздникѣ сильно встревоженъ, разсѣянъ и какъ–то не

въ своей тарелкѣ. Онъ подходилъ нѣсколько разъ съ осторожностью къ Ольгѣ, замѣчалъ, что близость его отзывалась въ ней какимъ–то волненіемъ и даже внутреннимъ раздоромъ; она измѣнялась въ лицѣ, была не совсѣмъ–спокойна, то сама первая обращалась къ нему въ разговорѣ, то какъ–будто опять въ томъ раскаявалась и избѣгала новой встрѣчи; но онъ не зналъ, какъ все это объяснить, въ пользу ли свою или нѣтъ; въ тоскѣ, въ какомъ–то отчаяніи и изнеможеніи онъ желалъ убраться изъ этого шумнаго сборища въ уединеніе, но, по занимаемой имъ должности, не смѣлъ уѣхать ранѣе своего генерала.

Смирившись подъ этою необходимостью, Буслаевъ отшатнулся подъ вечеръ отъ остальнаго общества и, забившись въ крайній конецъ сада, присѣлъ въ задумчивости на разсыпавшуюся дерновую скамью, прислонивъ раскаленную голову свою къ дереву. Мысли его, однакожъ, не отрывались отъ ликующаго общества, въ которомъ была и она, Ольга; а

раздававшаяся издали музыка представляла его воображенію ее же, Ольгу, какъ она несется вихремъ, едва касаясь пола, съ головкою, обсыпанною золотистыми кудрями, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ лилій.... «и вѣрно съ нимъ» подумалъ онъ, и почти готовъ былъ вскочить и бѣжать туда, чтобъ удостовѣриться въ этомъ предположеніи; но онъ одумался; на лицѣ его выразилась какая–то сострадательная улыбка, и онъ, забывшись, махнулъ слегка рукою, сказавъ: «Богъ съ нею; это ея воля!»

Успокоившись немного, онъ услышалъ не вдалекѣ отъ себя разговоръ: двое крестьянъ, можетъ–быть, садовники или работники, стояли, глядѣли издали по прямой просади на пирующихъ, и одинъ что–то жарко разсказывалъ.

— Вся дворня, братецъ ты мой, была при этомъ дѣлѣ, вотъ–что! — говорилъ одинъ изъ нихъ: за споромъ дѣло стало; а было это у Крапивникова, въ Долгушкѣ. Онъ насмѣхаться, вишь, сталъ надъ коноваломъ, а коновалъ былъ сторонній, — «что? не умѣешь» говоритъ «отворить кровь?»

коновалъ и говоритъ: что–де не первую тысячу починать прійдется мнѣ, коли баринъ прикажетъ кинуть кровь мерину; а кинуть надо, не то лошадь пропадетъ. — «Ну», говоритъ тотъ: «надо–то надо, въ этомъ не спорю, да не за свое дѣло берешься, братъ, не умѣешь.» Баринъ приказалъ; коновалъ принялся; что жъ? вѣдь истыкалъ всю лошадь, ни капли не пошло: вотъ все одно, что стѣну либо доску долби! Сперва осерчалъ–было коновалъ, давай да давай постукивать колотушкой, а тамъ ужъ и руки опустились, и присмирѣлъ, и повинился: ты–де, стало–быть, больше моего знаешь, виноватъ я; не погуби, батюшка, отпусти! «Ступай!» говоритъ: «да сегодня не кидай смотри: руда не пойдетъ. Завтра можно.» Вотъ что!

Буслаевъ, обративъ невольно вниманіе на этотъ дикій разсказъ, подошелъ и спросилъ, кто это такой штукарь, что заговариваетъ кровь?

— А вотъ близнецъ–этъ, сказалъ крестьянинъ, указавъ на домъ, гдѣ въ это

время раздался какой–то дружный, веселый хохотъ....

— Опять близнецъ, опять онъ! подумалъ бѣдный Буслаевъ: — нигдѣ нѣтъ мнѣ отъ него покоя.... Что это за человѣкъ? чего онъ хочетъ? зачѣмъ онъ здѣсь? откуда онъ взялся?

Буслаевъ обратился скорыми шагами на одну изъ дорожекъ, ведущихъ къ дому; но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ нему, тѣмъ медленнѣе дѣлались шаги его. Яркое освѣщенiе въ большой залѣ ослѣпило его на время; но когда онъ прозрѣлъ, то увидѣлъ прямо передъ собою, на другомъ концѣ залы Ольгу въ краснорѣчивомъ молчанiи во время занимательнаго для нея разсказа Таганаева. Музыка замолкла, и чета эта стала расхаживать по залѣ; Буслаевъ замѣтилъ, что Таганаевъ первый тронулся съ мѣста, а Ольга за нимъ послѣдовала; ей вскорѣ показалось неловко продолжать прогулку, обращая на себя всеобщее вниманiе; она безпрестанно снова алѣла, потупляла глаза, поглядывала изъ–подъ длинныхъ рѣсницъ съ безпокойствомъ по

сторонамъ, но не смѣла или не могла отстать отъ неровнаго товарища своего и слѣдовала за нимъ какъ прикованная невидимою цѣпью. Онъ же, казалось, вовсе не замѣчалъ этого и ловкими, развязными пріемами своими умѣлъ придать этой насильственной бесѣдѣ видъ строгаго приличія и почтительности. Какъ–будто сжалившись наконецъ надъ своею жертвою, Таганаевъ непринужденно остановился у стула, спросилъ Ольгу, не угодно ли ей, можетъ–быть, присѣсть, и ей казалось въ эту минуту, что она бы упала безъ чувствъ, еслибъ ей пришлось пройдтись съ близнецомъ еще разъ–другой по залѣ.

Уже многіе изъ пожилыхъ гостей тароватаго хозяина слѣдовали примѣру мраморныхъ статуй Таганаева и зѣвали; уже блонды и кружева, не смотря на драгоцѣнность свою, принимали видъ менѣе–казистый и походили на обвисшія тряпки; старички, кромѣ тѣхъ, которые не покончили еще игры своей, сидѣли тутъ и тамъ въ растяжку на креслахъ, сложивъ руки, закинувъ головы, и дремали; уже

Иванъ Максимовичъ выспался, ожилъ, ходилъ и поглядывалъ, нельзя ли гдѣ выпить и закусить; словомъ, балъ уже подходилъ къ концу, когда уѣхалъ губернаторъ, а за нимъ и бѣдный Буслаевъ. Друга своего Горнилина онъ уже засталъ дома.

— Скажи мнѣ, ради Бога, говорилъ Буслаевъ Горнилину, когда и этотъ день кончился, по примѣру прочихъ, когда всѣ разъѣхались, и на дачѣ откупщика огни погасли и смерклось, какъ смеркается на остальномъ неоткупщичьемъ Божьемъ мірѣ: — скажи и мнѣ, ради Бога, Горнилинъ, что ты видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ сего–дня, — наконецъ, что ты думаешь обо всемъ этомъ?

Горнилинъ сидѣлъ въ халатѣ, съ трубкой, готовясь отойдти ко сну, а Буслаевъ стоялъ передъ нимъ въ мундирѣ, какъ пріѣхалъ съ бала, застегнутый на всѣ крючки и пуговицы.

— О чемъ же обо всемъ этомъ? спросилъ Горнилинъ.

— О чемъ! объ Ольгѣ и.... и.... и объ этомъ человѣкѣ, если это человѣкъ, о Таганаевѣ!

— Я думаю, что Ольга влюблена въ него, и жалѣю объ ней. Онъ не любитъ ни ея, ни кого–либо инаго, кромѣ себя. Онъ волочится за нею, какъ у насъ выражаются, не по нраву, не по сердцу, а просто по обычаю молодецкому, и потому мнѣ ея жаль.

— Но, ради Бога, скажи, что же мнѣ дѣлать? Я не могу долѣе смотрѣть на это; я не могу этого снести!...

— Какъ не можешь — можешь! Мало ли что на свѣтѣ бываетъ невыносимо, а между–тѣмъ мы выносимъ все.

— Это ты меня утѣшаешь, да?

— Да, другъ мой, именно утѣшаю; обтерпишься современемъ, почерствѣешь, будешь менѣе раздражителенъ, и успокоишься.

— Горнилинъ, не говори мнѣ теперь этимъ холоднымъ, разумнымъ языкомъ: ты язвишь меня; говори такъ, какъ съ человѣкомъ въ моемъ положенiи говорить

должно! Послушай: ты знаешь, я живу, я дышу теперь только Ольгой; назови это какъ хочешь — дурачествомъ, ребячествомъ; но я знаю, я, что это такое, и я тебѣ говорю, что я прозябалъ только какъ былинка — нѣтъ, кисъ, какъ плесень, до знакомства съ нею, и умру безъ нея; но вотъ тебѣ рука моя: еслибъ я зналъ, что она съ нимъ будетъ счастливѣе, нежели со мною, я бы торжественно самъ отрекся отъ своего блаженства....

— Стой, другъ, закричалъ Горнилинъ въ нетерпѣніи: — стой! Куда ты занесся? Ты меня спрашиваешь; ты меня хочешь слушать? Ну, такъ слушай же спокойно, сколько можешь; завладѣй же на пять минутъ сердцемъ своимъ посредствомъ разсудка, и слушай: сдѣлай милость не великодушничай, потому—что это здѣсь вовсе не у мѣста. Ты, какъ я тебя знаю, дѣйствительно добръ, благороденъ и великодушенъ; но здѣсь, въ настоящемъ случаѣ, употребить этихъ качествъ въ дѣло нельзя, ни гдѣ. Здѣсь ваша рѣчь еще впереди; никто не спрашиваетъ, да и

вѣроятно не спроситъ, угодно ли тебѣ будетъ отказаться отъ Ольги, — отказаться отъ того, что тебѣ еще вовсе не принадлежитъ; а еслибъ она тебѣ принадлежала, еслибъ тебѣ дано было право владѣнія ею, — тогда позволь надѣяться, другъ, ты заговорилъ бы иначе и не показалъ ни для кого въ мірѣ этой великодушной уступчивости.

— Ты правъ, Горнилинъ; это такъ. Ты умнѣе, разсудительнѣе меня; но, ради Бога, скажи, что мнѣ дѣлать?

— Дай руку, другъ, и слушай: напередъ всего, соберись съ разсудкомъ, успокойся, и для этого оставайся дома на цѣлую недѣлю, не показывайся въ обществѣ; я тебѣ обѣщаю слѣдить за всѣмъ и наблюдать; но ты оставайся дома и положись на меня.

— А потомъ?

— А потомъ увидишь: утро вечера мудренѣе. Если будетъ надежда, рѣшись и дѣйствуй; если же нѣтъ, если тутъ все для тебя потеряно — тогда мужайся; тогда пришло время опереться на доблесть свою и

чувство собственнаго достоинства. Тогда тебѣ здѣсь житья не будетъ; брось все на время и пускайся съ посохомъ странника въ путь. Свѣтъ не клиномъ передъ тобой сошелся, а что далѣе, то все шире, да шире. Вотъ мой совѣтъ, мой завѣтный наказъ другу, и ты его исполнишь!

Буслаевъ обнялъ Горнилина, пожалъ ему руку и скорыми шагами молча удалился. Ему было совѣстно показать лицо свое, по которому бѣжали горючія слезы.

Не мудрено было ему, впрочемъ, исполнить завѣтъ друга, на первый случай по–крайней–мѣрѣ: отъ сильнаго волненія и огорченія, какъ докторъ увѣрялъ, — у него внезапно прикинулась рожа къ лицу и заставила просидѣть дома двѣ недѣли. Докторъ, видно, отгадалъ тайну его, приписавъ рожу именно этой причинѣ — и Буслаевъ, какъ–будто пристыженный, молчалъ.

У губернатора сдѣлалась сильная головная боль, которая, впрочемъ, черезъ сутки прошла, и докторъ это приписывалъ

чрезмѣрнымъ занятіямъ его, не рѣдко длившимся далеко за полночь. Глухая молва, ходившая по городу, въ этихъ двухъ ничего незначащихъ случаяхъ нашла опять нѣчто чрезвычайное и связала ихъ, по обыкновенію, съ непріятелями своими, близнецами: дагерротипные портреты, снятые ими съ губернатора и съ Буслаева, были причиной болѣзни того и другаго. Увѣряли, будто каждый человѣкъ, съ кого близнецы снимали портретъ, непремѣнно заболѣвалъ, и приводили этому множество примѣровъ, по которымъ, конечно, не всегда можно было наводить справки.

— Родимые мои, говорила всесвѣтная тугаринская про– или приживалка, извѣстная подъ именемъ капитанши: — родимые мои, вѣдь это дѣло богопротивное; поличія человѣческаго, кромѣ ликовъ святыхъ, писать нельзя, да и не съ добрымъ же умысломъ это дѣлается! Надъ поличіемъ твоимъ, все одно, что надъ слѣдкомъ, либо надъ волосками, коли худой человѣкъ, что худое задумаетъ — сдѣлаетъ. Вотъ у насъ въ Богородскомъ–

Уѣздѣ, это при мнѣ было, въ мою память: разъѣзжалъ, видишь ли, какой–то формасонъ, и кто таковъ и откуда взялся, ничего не знаютъ; а формасонъ настоящій, и въ бѣлой пуховой круглой шляпѣ. Разъѣзжаетъ–себѣ, словно добрый какой, а самъ въ свою вѣру обращаетъ, и много даритъ золотомъ за то, а еще больше сулитъ впередъ. Вотъ кто согласится, того и закабалитъ себѣ, и запишетъ въ книгу свою, а пишетъ онъ, вишь, не по крещеному, — пишетъ отъ стѣны, ровно Татаринъ. Вотъ, записавъ, да поличіе съ него и съиметъ; таки словно живой сидитъ, весь тутъ, только–что въ бѣлой шляпѣ напишетъ; да еще развѣ вотъ, что души нѣтъ: а привяжетъ и душу! Запишетъ и денегъ дастъ, а поличіе–то увезетъ съ собой; а какъ–только кто опять откинется отъ фармасонской вѣры его, да покается, такъ онъ, родимые мои, поличіе–то поставитъ, и самъ бѣлую шляпу на себя опять надѣнетъ, да изъ пистолета ему бѣлу грудь и прострѣлитъ; какъ прострѣлитъ — такъ тотъ человѣкъ сердечный, хоть за